

Сюй Хайюэ

Культурный суверенитет в Восточной Азии: пересечение, конфликты и разрешение

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «культурный суверенитет», которое находится в процессе формирования в Восточной Азии, а именно в Китае, Японии и Южной Корее. С целью формирования собственных уникальных культурных идентичностей и увеличения своего влияния в культурной сфере, эти страны разрабатывают разнообразные стратегии культурной политики. Однако, из-за сложившейся исторически восточноазиатской культурной системы, в этих странах существует ряд общих культурных особенностей, которые не ограничиваются только одной из стран. Эта культурная схожесть неоднократно приводит к конфликтам между странами в контексте защиты культурного наследия и культурной идентичности на неофициальном уровне. В статье выделяются возможные причины возникновения культурных конфликтов, а также обсуждается возможное решение этой проблемы.

Ключевые слова: культурный суверенитет, культурная политика, Восточная Азия, национальная идентичность, Китай, Япония, Южная Корея.

Автор: Сюй Хайюэ, магистрант, Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай. ORCID: 0009-0003-9894-7808. E-mail: viktor.p.xu@yandex.ru

Для цитирования: Сюй Хайюэ. Культурный суверенитет в Восточной Азии: пересечение, конфликты и разрешение // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 41—49. DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.84.004.

Ху Haiyue

Cultural sovereignty in East Asia: intersection, conflict and resolution

Abstract. The article examines the still emerging concept of “cultural sovereignty” in East Asia (namely in China, Japan and South Korea). In an effort to form their own special cultural identities, as well as to strengthen their influence in the cultural sphere, countries are developing various strategies of cultural policy. However, due to the historically established East Asian cultural system, a number of cultural features are observed in these countries that are not unique to one of the countries. This homogeneity of cultures has repeatedly caused conflicts between countries to protect cultural heritages and identities at an informal level. The article presents some possible reasons for cultural conflicts, and also discusses a possible solution to this problem.

Keywords: cultural sovereignty, cultural policy, East Asia, national identity, China, Japan; South Korea.

Author: Xu Haiyue, Master Student, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China ORCID: 0009-0003-9894-7808. E-mail: viktor.p.xu@yandex.ru

For citation: Xu Haiyue. Cultural sovereignty in East Asia: intersection, conflict and resolution. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 41—49. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.84.004.

Введение

Термин «культурный суверенитет» в научном контексте возник вместе с развитием современных суверенных государств. Само слово «суверенитет» обозначает независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях. В 1977 г. в ЮНЕСКО это понятие было предложено с целью продвижения прав человека и устранения колониализма и расизма [14, с. 147—152]. В документе неоднократно подчеркивается важность суверенитета культур такими словами, как «международное сотрудничество зависело от утверждения культурного суверенитета наций», «мир во всем мире и мирное существование наций непосредственно были связаны с принципами культурного суверенитета наций». В настоящее время культурный суверенитет актуален в контексте «культурного империализма». В борьбе с «империализмом» в сфере культуры в России вопрос «культурного суверенитета» уже приобрел значение национальной безопасности. Главные цели заключаются в следующем: в формировании государственной идентичности, в избегании социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, в защите от деструктивного идеологического и информационного воздействия, в сохранении исторической памяти и приверженности к традиционным духовно-нравственным ценностям.

Обзор культурных стратегий трех стран

На данный момент ни одна из стран Восточной Азии не предоставила четко определения термина «культурный суверенитет» на государственном уровне, хотя идея «культурной безопасности» упоминается в культурных стратегиях этих стран. В странах Восточной Азии не испытывают опасения потерять свою культуру. Именно поэтому в этих странах «культурный суверенитет» часто понимается следующим образом: во-первых, как право определять национальные культурные особенности во внутренних отношениях; во-вторых, как право приобретать дискурсивную власть, соразмерную с их растущей совокупной мощью в международных отношениях.

Китай не рассматривает заимствование элементов зарубежных культур как угрозу своей безопасности; наоборот, страна приветствует идею об обмене и интеграции цивилизаций. На 18-м съезде Коммунистической партии Китая (КПК) особое внимание было уделено вопросам «строительства культурной державы», что послужило отправной точкой для двух основных тенденций в развитии китайской культуры. С одной стороны, Китай активно распространяет свою культуру за пределы своих границ, с другой стороны, стремится к ее интеграции с мировыми культурами [4]. Определенные в докладе 20-го съезда цели культурной стратегии Китая включают в себя укрепление уверенности в собственной культуре и увеличение национальной мощи в сфере культуры. Однако, ключевым аспектом культурной безопасности остается идеологическая работа, которая сосредотачивается вокруг преданности марксизму и социалистическим ценностям [10]. Китай не только стремится к укреплению своего культурного присутствия в

мире, но и подчеркивает важность поддержания идеологической стойкости в сфере культуры для обеспечения своей культурной безопасности.

В отношении культурной стратегии Японии можно выделить конкретные планы и программы. Под лозунгом «Культура — опора страны» (*бунка риккоку*), в рамках культурной политики Японии, разработанной Министерством культуры в 2023 г. [6], значительное внимание уделяется сохранению культурного наследия. Основной целью является поддержание национальной идентичности в условиях глобализации [7]. Большое внимание уделяется также развитию культурной индустрии и инноваций. Например, в бюджете на 2019 г. затраты на государственную культурную инфраструктуру и инновации достигают 53,77 млн йен, что составляет почти 46 % от общего объема расходов на культуру. Культурная стратегия Японии фокусируется не только на прошлом, но и на будущем, где культурное наследие и инновации играют важную роль в формировании облика страны на мировой арене.

Культурная программа Южной Кореи в предыдущие десятилетия была в значительной степени ориентирована на экономический аспект. Основное внимание уделяется расширению влияния современной корейской моды, такой как феномен «корейской волны» (*халлю*) [8]. Начав свое развитие в 90-е годы прошлого века, корейская волна приобрела огромную популярность. Под руководством Ким Ён-сама была оказана значительная поддержка развитию массовой культуры, что привело к тому, что она стала неотъемлемой частью имиджа Южной Кореи. Эта поддержка не только способствовала росту отраслей, связанных с развлечениями и искусством, но и сделала культурные продукты страны востребованными на мировом уровне. Она свидетельствует о том, что Южная Корея стремится использовать свою культуру как инструмент мягкой силы, способствующий не только экономическому росту, но и установлению позитивного образа страны в глазах мирового сообщества.

Характеристики культурных конфликтов

Вопрос о самобытности культурных явлений остается одним из самых спорных в Восточной Азии. Несмотря на отсутствие противоречий в государственных планах этих стран, в социальных сетях возникают конфликты относительно принадлежности культурных элементов из-за желания защитить свой культурный суверенитет. Эти споры в основном обладают следующими двумя характеристиками.

Во-первых, участники подобных конфликтов часто пренебрегают связями и различиями между культурными элементами трех стран, рассматривая свои культуры как уникальные и превосходящие. Несмотря на многовековой культурный обмен, существует ряд общих культурных черт, присущих всем трем странам Восточной Азии. В этом контексте также важно учитывать, что заимствованные культурные элементы могли претерпеть локализацию, приобретая уникальные черты, отличные от их оригиналов. К примеру, в 2005 г. Республика Корея подала заявку в ЮНЕСКО о включении Каннын Дано (*Gangneung Danoje Festival*)

в список Всемирного наследия. Это вызвало некоторое недопонимание в Китае. Поскольку Дано и китайский праздник Дуанью обозначаются одними иероглифами и отмечаются в одинаковую дату, китайцы были поражены тем, что их традиционный праздник был признан как корейский. Однако следует отметить, что эти два праздника имеют свои уникальные особенности и различия, которые были четко отражены в заявке ЮНЕСКО [13]. Несмотря на это, в китайских социальных сетях распространено неверное представление о том, что Южная Корея якобы «украдала» праздник Дуанью у китайцев.

Поскольку не существует официального агентства по разграничению культурного пространства, ЮНЕСКО часто рассматривается как единственная организация, где можно официально урегулировать вопросы принадлежности культурных элементов. В СМИ особое внимание уделяется спискам культурного наследия, которые часто рассматриваются как подтверждение принадлежности тех или иных элементов к определенной стране. Такое убеждение основывается на представлении о том, что включение определенного объекта или традиции в список Всемирного наследия ЮНЕСКО подтверждает его связь с конкретной культурной общностью. Такие списки не только придают определенным элементам статус защищенного наследия, но и могут влиять на восприятие общественности относительно происхождения и принадлежности культурных явлений. Однако важно отметить, что ЮНЕСКО, будучи международной организацией, иногда сталкивается со сложными задачами в урегулировании культурных вопросов, и решения, принятые этой организацией, не всегда удовлетворяют все стороны. Культурная идентичность часто является сложным и динамичным явлением, которое трудно однозначно определить.

Во-вторых, все ссоры и конфликты в основном развиваются на неофициальном уровне, преимущественно на платформах социальных сетей среди молодежи. Одним из длительных источников противоречий между странами стали взгляды на национальные костюмы. С началом XXI века в китайском обществе, особенно среди молодежи, стало активно движение «Ханьфу» (*ханьфу юньдун*), направленное на возрождение традиционного китайского костюма (*ханьфу*) [11]. Поддерживая данное движение, его сторонники четко отделяют Ханьфу от японского Кимоно и корейского Ханбок. Однако, с другой стороны, возникает сопротивление любым попыткам «украсть» традиционные костюмы. В социальных сетях, особенно в Твиттере, хэштеги «Hanfu» и «Hanbok» часто используются параллельно, вызывая дискуссии и споры относительно стилей костюмов. В Китае для защиты своего культурного наследия была создана группа на платформе Вэйбо, получившая название «явления экспорта культуры» (*вэньхуа шуочу сяньсян*), где регулярно публикуются случаи «культурной кражи», обсуждаемые в Твиттере. На момент написания данной статьи количество подписчиков группы составило 173 тыс. человек, а общее число публикаций достигло 27 тыс. Это свидетельствует о значительном внимании, уделяемом обсуждению и защите культурных аспектов национального наследия.

Однако в последнее время эти интернет-ссоры начали распространяться и в реальной жизни. Примером служат конфликты вокруг названия «праздника Весны» (кит. Чуньцзэ, кор. Соллаль, буквально «начало года»). В начале 2023 г. офи-

циальный аккаунт Музея Великобритании опубликовал твит, поздравляющий с так называемым «корейским» лунным Новым годом, что вызвало негодование в Китае. В ответ на это «присвоение культуры» (англ. *culture appropriation*) китайцы «атаковали» аккаунт музея, иронизируя о том, как два «вора» замыслили украсть чужое культурное наследие. В тот день, когда в Музее Великобритании проходили мероприятия, посвященные корейскому лунному Новому году, китайские иностранные студенты, одетые в ханьфу, организовали митинг у ворот музея, показывая прохожим происхождение данного праздника [12].

Причины возникновения культурных конфликтов

Гомогенность восточноазиатских культур уходит своими корнями в исторически сложившуюся китаецентрическую систему. С начала VIII века Япония и Корея активно заимствовали элементы китайской культуры, приспособлявая их под свои уникальные особенности. Этот культурный обмен продолжался с перерывами практически тысячу лет. Однако в XIX веке, в контексте колониционных процессов, старая система китаецентризма претерпела существенные изменения. Страны региона стали интегрироваться в мировой порядок, базирующийся на понятиях о суверенных нациях и основывающийся на влиянии Запада [15, с. 282—283]. Япония, проведя решительные реформы и осуществив ориентацию на западные идеи, стала первой модернизированной страной в регионе, что окончательно покончило с китаецентрическим строем Восточной Азии. Победа Японии в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. привела к завершению китайского культурного доминирования в регионе. Тем не менее эта победа также вызвала кризис мышления среди интеллигенции в Корее и Китае. В Китае в ответ на поражение вспыхнула 100-дневная реформа, которая, к сожалению, завершилась неудачей. В Корее прокитайская партия (*садае дан*) потеряла свою значимость в большинстве государственных дел. Эти исторические события стали ключевыми моментами, формирующими современное культурное и политическое разнообразие восточноазиатского региона.

Вместе со спадом влияния Востока на мировой арене, особенно в связи с ослаблением Китая, во всех восточноазиатских странах возник период отрицания собственного культурного наследия. Выбор между Востоком и Западом оставался актуальным вопросом в то время. Одним из наиболее ярких примеров этого процесса были отношения к китайским иероглифам, сохранившимся в письменных системах стран региона. В Китае после революции 1911 г. возникли движения по замене иероглифов буквами из западных языков, приоритет которым отдавали «радикалы» [1]. Подобные споры также возникли в Японии, где победившие в культурном плане «неоклассики» настаивали на сохранении иероглифов в письменности при их сокращении. В Корее схожие дебаты начались еще в XV веке, но окончательные решения о постепенном отказе от китайских иероглифов в корейском языке были приняты только в первой половине XX века [2].

В определенный момент истории некоторые страны отказались от своей восточной идентичности, что оставило нерешенными вопросы наследия давно

отвергнутых восточных традиций. Китай считает себя культурной державой с 5000-летней непрерывной историей своей цивилизации, но остальные страны полагают, что они все — преемники общей восточноазиатской культуры [5, с. 273], а Китай в этом отношении уже отклонился и придерживается коммунистической идеологии. С позиции Китая, Япония и Южная Корея уже превратились в страны западного типа и, соответственно, не считаются представителями типичной восточной цивилизации.

Ортодоксальность культурного наследия представляет собой важный аспект Конфуцианства, который освещает вопрос «Хуа» и «И» (*хуа и чжи бянь*, где «Хуа» обозначает Китай как центр культурности, а «И» — варварство). По мнению Конфуция, нации различаются не расовыми или региональными особенностями, а культурными. Задача «центра культурности» заключается в распространении своей передовой культуры на окружающие пространства [3, с. 3—4]. На основе этой концепции китайская цивилизация в течение веков ассимилировала соседние нации и распространяла свою культуру и образ жизни. И в этом процессе был создан единый культурный блок, который позже получил название «иероглифический культурный блок». Однако с начала XIX века процесс ассимиляции остановился и культуры под влиянием древнекитайской цивилизации начали формирование своих собственных суверенных государств. Даже сам Китай не остался в стороне от этих процессов, преобразовавшись из деспотической империи в модернизированную республику. Каждая страна, наследовавшая часть древнекитайской культуры, рассматривает себя как ортодоксального и полноценного представителя Востока, что зародило базу конфликтов и ссор в культурном отношении.

Исторические амбиции и геополитические обстоятельства становятся источником недоверия и враждебности между странами, оказывая влияние на их культурные отношения. Геополитические решения, принимаемые одной страной, могут воздействовать на культурные связи с другими нациями, усиливая напряженность и усложняя взаимопонимание. В связи с долгим периодом заимствования китайской культуры Япония и Южная Корея стремятся развивать свою собственную идентичность, отрываясь от влияния Китая. Прошлые военные конфликты, такие как нападение японских войск на территории Китая и Кореи, оставляют свои тени и продолжают создавать сложности в отношениях этих стран с Японией. Между Китаем и Южной Кореей конфликты в культурном пространстве стали нарастать с 2016 г., когда Южная Корея объявила о планах размещения системы ПРО США на своей территории [9]. Этот ход вызвал опасения со стороны Китая и России и стал причиной обострения культурных отношений между КНР и Республикой Кореей.

Выводы

Восточная Азия — это уникальное пространство, где зародились выдающиеся цивилизации. Многовековой культурный обмен в этом регионе сформировал единое культурное пространство. Однако процессы колонизации и примитивной

глобализации привели к разрыву органических культурных связей в этой китаецентрической подсистеме.

В результате каждая страна начала развиваться по своему собственному пути, а вопрос культурного суверенитета стал трудноразрешимым. Культуры этих стран переплетаются и взаимодействуют уже много веков, и на фоне современных глобальных вызовов поддержание культурной уникальности становится важным аспектом национальной идентичности.

Изучение этой сложной динамики позволяет более глубоко понять взаимосвязи и влияние культур в Восточной Азии. В условиях современного мира, где нации стремятся сохранить свою культурную самобытность, важно находить способы укрепления взаимопонимания и сотрудничества в регионе, учитывая богатое культурное наследие и общую историческую связь.

Первым шагом к решению культурных споров является осознание и признание исторических ошибок и недоразумений [16]. Понимание и признание прошлых ошибок — это не только акт честности, но и ключевой элемент процесса преодоления недопониманий и урегулирования культурных разногласий. Этот шаг способствует построению взаимного уважения и доверия, что является фундаментальным для успешного взаимодействия между нациями.

Открытый и честный диалог между историками и общественными лидерами способствует выработке общего видения прошлого и созданию основы для будущего сотрудничества [17]. Диалог, основанный на объективном анализе исторических событий, позволяет создать общую платформу понимания, избежать одностороннего искажения фактов и привести к согласию относительно прошлых событий. Это важно для того, чтобы перейти от противостояния и напряженности к взаимному сотрудничеству и пониманию.

Список литературы / References

1. Алпатов В.М. Размышления над книгой В.М. Алексеева «китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» // Общество и государство в Китае. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-nad-knigoy-v-m-alekseeva-kitayskaya-ieroglificheskaya-pismennost-i-eyo-latinizatsiya> (дата обращения: 28.12.2023).

Alpatov V.M. Razmyshleniya nad knigoy V. M. Alekseeva “kitajskaja ieroglificheskaja pis'mennost' i ejo latinizacija” [Reflections on the book by V.M. Alekseev “Chinese hieroglyphic writing and its Romanization”]. Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], 2013, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-nad-knigoy-v-m-alekseeva-kitayskaya-ieroglificheskaya-pismennost-i-eyo-latinizatsiya> (accessed: 28.12.2023). (In Russ.).

2. Ботоев И.К., Жанцанова М.Г. К вопросу об иероглифической письменности японского языка // Вестник БГУ. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ieroglificheskoy-pismennosti-yaponskogo-yazyka> (дата обращения: 28.12.2023).

Botoev I.K., Zhancanova M.G. K voprosu ob ieroglificheskoy pis'mennosti yaponskogo yazyka [On the question of the Japanese hieroglyphic script language]. Vestnik BGU [Bulletin of the BSU], 2017, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ieroglificheskoy-pismennosti-yaponskogo-yazyka> (accessed: 28.12.2023). (In Russ.).

3. Хан Син. «Хуа И Чжи Бянь» цзи ци цзиньдай чжуаньсин [обсуждение «Хуа» и «И» и его трансформация в новой истории] // Дунфан Луньтань (форум Востока). 2014. № 5. С. 1—8. (На Кит.).

Han Xing. "Hua yi zhi bian" ji qi jindai zhuanxing [Differentiating Chinese and Foreigners and Its Transition]. Dongfang Luntan [Eastern Forum], 2014, no. 5, pp. 1–8. (In Chinese).

4. Хатькова К.С., Абрамова Н.А. Культурные стратегии КНР как инструмент обеспечения культурной безопасности страны // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 102–102.

Nat'kova K.S., Abramova N.A. Kul'turnye strategii KNR kak instrument obespechenija kul'turnoj bezopasnosti strany [Cultural strategies of the People's Republic of China as a tool for ensuring the cultural security of the country]. Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija [International Journal of Experimental Education], 2014, no. 6-2, pp. 102–102. (In Russ.).

5. Ким Ю Чун. Хангук мунхоаби барамджикхан сегехоарыль уихан Чонрякджок Кочхаль [Стратегический запрос на глобализацию корейской культуры] // Comparative Korean Studies. 2009. № 17-1. С. 251–275. (На кор.).

Kim Youjoong. Hanguk munhwan baramsichan segehwarl wihan zhenryakjuck gochal [The Strategic Inquiry for Globalization of Korean Culture]. Comparative Korean Studies, 2009, no. 17-1, pp. 251–275. (In Korean).

6. Минкультуры Японии. Вагакуни но бунка сеисаку [Культурная политика нашей страны]. 2023. URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/r01_bunka_seisaku/pdf/r1421859_00.pdf (дата обращения: 28.12.2023). (На Яп.).

Minister of Culture of Japan. Wagakuni no bunka seisaku [Cultural policy of our country] 2023. URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/r01_bunka_seisaku/pdf/r1421859_00.pdf (assessed: 28.12.2023). (In Japanese).

7. Мошняга П.А. Специфика культурной политики Японии в условиях глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kulturnoy-politiki-yaponii-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 27.12.2023).

Moshnjaga P.A. Specifika kul'turnoj politiki Japonii v usloviyah globalizacii [The specifics of Japan's cultural policy in the context of globalization]. Znanie. Pонимание. Uмение, 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kulturnoy-politiki-yaponii-v-usloviyah-globalizatsii> (accessed: 27.12.2023). (In Russ.).

8. Ёнхап. Синханрю чинхыджочхьяк чхучан кехак [Политика продвижения Синханлю (Нового Ханлю)]. URL: https://mcst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=18151 (дата обращения: 28.12.2023). (На кор.).

Yonhap. Sinhanru jinheungjeongchac chujin gehoc [Shinhan-ryu Promotion Policy]. URL: https://mcst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=18151 (accessed: 28.12.2023). (In Korean).

9. Российская Газета. Южная Корея завершила размещение батареи ПРО США THAAD. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/iuzhnaia-koreia-zavershila-razmeshchenie-batarei-pro-ssha-thaad.html> (дата обращения: 28.12.2023).

Rossijskaja Gazeta. Juzhnaja Koreja zavershila razmeshchenie batarei PRO SShA THAAD [Rossiyskaya Gazeta. South Korea has completed the deployment of the US THAAD missile defense battery]. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/iuzhnaia-koreia-zavershila-razmeshchenie-batarei-pro-ssha-thaad.html> (accessed: 28.12.2023). (In Russ.).

10. Си Цзиньпин. Цзай Чжунго гунчаньдан дэ эршицы цюаньго дайбяо дахуэйшан дэ баогао [Доклад на XX всекитайском съезде Коммунистической партии Китая]. URL: https://gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 28.12.2023). (На Кит.).

Xi Jinping. Zai zhongguogongchandang di ershici quanguodaibiaodahui shang de baogao. [Report on the 20th National Congress of the Communist Party of China]. URL: https://gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (accessed: 28.12.2023). (In Chinese).

11. Ян Сюе, Чжан Жань, Кон Линсюй. «Чуаньтун» дэ цзайцзао юй люсин — дуй циннянь ханьфу вэньхуа яньбянь лоци дэ каоча [Переизобретение и популяризация «традиции» — исследование о логике развития культуры «Ханьфу» среди молодежи] // Дандай циннянь яньцзю

(современные исследования молодежи). 2022. № 2. С. 40—47. DOI:10.3969/j.issn.1006-1789.2022.02.005. (На Кит.).

Yang Xue, Zhang Ran, Kong Lingxu. “Chuantong” de zaizao yu liuxing — dui qingnian hanfu wenhua yanbian luoji de kaocha [Reinvention and Popularity of “Tradition”: The Development of Contemporary Youth Hanfu Culture in China]. Dangdai Qingnian Yanjiu (Contemporary Youth Research), 2022, no. 2, pp. 40—47. (In Chinese).

12. BBC. Даин боугуань «ханьго нунли синьянь» чжэнги бэйхоу дэ вэньхуа гуйшу чжи чжэн [Ссоры, вызванные Музеем Великобритании, о поздравлении с «Корейским лунным Новым годом» и конфликт о принадлежности культуры]. 2023. URL: <https://bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-64363713> (дата обращения: 28.12.2023). (На Кит.).

BBC. Dayingbowuguan “hanguo nongli xinnian” zhengyi beihou de wenhua guishu zhi zheng [The Cultural Attribution Debate Behind the British Museum’s “Korean Lunar New Year” Controversy]. URL: <https://bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-64363713> (accessed: 28.12.2023). (In Chinese).

13. CGTN. The dragon boat “race” between China and S. Korea. 2017. URL: https://news.cgtn.com/news/3d55544f3141444e/share_p.html (accessed: 28.12.2023).

14. Feindt, G., Bernhard G., Johannes P. Cultural sovereignty — A conclusion in four theses. Band 21 Cultural Sovereignty beyond the Modern State. Oldenbourg: De Gruyter. 2021. Pp. 147—167.

15. Park, Seo-Hyun. Changing definitions of sovereignty in nineteenth-century East Asia: Japan and Korea between China and the West // Journal of East Asian Studies. 2013. No. 13-2. Pp. 281—307.

16. UN. Пиньшу чжунчжихань гуаньси: Пань Цзивэнь хуюй чжэнцзюе жэньши лиши [По вопросам китайско-японско-корейских отношений: Пан Ги Мун призывает к правильному пониманию истории]. URL: <https://news.un.org/zh/story/2013/08/199802> (дата обращения: 28.12.2023). (На Кит.).

UN. Pinshu zhongrihan guanxi: Pan Jiwen huyu zhengque renshi lishi [On the issues of Sino-Japanese Korean relations: Ban Ki-moon calls for a correct understanding of history]. URL: <https://news.un.org/zh/story/2013/08/199802> (accessed: 28.12.2023). (In Chinese).

17. Trilateral Cooperation Secretariat. 2022 Progress Report of the Trilateral Cooperation. 2022. URL: https://tcs-asia.org/data/etcData/PUB_1692617325.pdf (accessed: 28.12.2023).